

ГОТЛИБ Анна Семеновна / Anna GOTLIB

Россия, Самара.
Самарский государственный университет.
Зав. кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований.
Доктор социологических наук, профессор.

Russia, Samara.
Samara State University.
Department of social and market research methodology.
Head of the Department, PhD in sociological sciences, professor.

АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ В СОЦИОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье описывается поворот к анализу нарративов в социологии, анализируются факторы, детерминирующие этот поворот, рефлектируются задачи такого анализа, а также описываются возможности нарративного подхода к анализу нарративов как малораспространенного способа исследования мифов и идеологем, функционирующих в обществе. Осмысливаются методологические подходы к исследованию нарративов в социологии, анализируются проблема разрыва реальной жизни и рассказа о ней, а также проблема множественности нарративов — черновики.

Ключевые слова: поворот к нарративам, индивидуальная жизнь, социальный контекст, языковые игры, нарративный подход, рассказанная жизнь, иллюзия, объективная ошибка, экзистенциальный контекст

Narrative Analysis in the Field of Sociology: Opportunities and Usage Problems

The article describes the narrative turn in the field of sociology. The article also discusses its causes, the determining factors of the process, and the purposes of this type of analysis. The benefits of the narrative approach, as a unique way in which to research the myths and ideologies functioning in society, are also described. In addition, the article also conceptualizes methodological approaches to the analysis of narratives in the field of sociology, and focuses on the problematic gap between real life and narrative life, as well as the multiplicity of narratives. Several examples are analyzed.

Key words: narrative turn, individual life, social context, linguistic games, narrative approach, storied life, illusion, objective mistake, existential context

В социологии обращение к нарративу «человека с улицы» (А. Шюц), использование его потенциала для анализа тех или иных граней социальной жизни имеет уже довольно долгую историю, хотя история эта богата взлетами и падениями интереса к этой форме выражения человеческого опыта¹. Уильям Томас и Флориан Знанецки, известные американские социологи, еще в 20-е годы XX столетия в рамках обращения к «документам жизни», если воспользоваться термином английского социолога К. Пламмера, стали использовать специально написанные по просьбе социологов автобиографии: один том известнейшего их совместного многотомного труда «Польский крестьянин в Европе и Америке» целиком посвящен автобиографическим мемуарам, написанным польским крестьянином-иммигрантом Владеком Висневским по просьбе социологов. Именно тогда впервые и была сформулирована

их блестящая интуиция, востребованная потом, через десятки лет, так называемым качественным подходом в социологии: «Мы уверены, что личностные сообщения о жизни — полные, насколько возможно, представляют собой лучший тип социологического материала»².

Затем под напором методологически другой, эмпирической социологии, основанной на измерении социальных признаков и использовании математических процедур для доказательства выдвинутых гипотез, социологии, вдохновляющейся гением Пауля Лазарфельда, «раба научной процедуры» по выражению Г. С. Батыгина, и скроенной по лекалам естественно-научного знания, интерес к биографиям в социологии практически исчез. Исчез, чтобы возродиться в Европе почти через 60 лет: Даниэль Берто, известный французский социолог, своим новаторским исследованием «Биография и общество», вышедшей

¹ В этой статье нарратив понимается расширительно: и как устный: результат нарративного интервью с социологом, и как письменный текст — написанная автобиография, мемуары и т. д.

² Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 57.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ГОТЛИБ Анна Семеновна / Anna GOTLIB

| Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования |

в 1981 году, вновь подбросил социологам мысль о возможности использования жизненных историй для анализа общества, инициировав в социологическом сообществе яростную дискуссию по этому поводу.

Поворот к нарративам, рассказанным историям жизни, тогда, в 1980-е, не только выдвинул на авансцену социологической науки новый (забытый) — *личный* тип документов, расширяя тем самым ее эмпирическую базу, но и означал прежде всего *методологический поворот*, точнее *методологический разворот социологии*, прежде специализирующейся на поиске номотетического — универсальных законов человеческого общежития, к идиографическому — индивидуальному, уникальному: жизненной траектории конкретного человека, его индивидуальной судьбе во всем неповторимом сочетании ее поворотов и изгибов, его повседневным практикам, а также способам описания «своей истории». Социология, ранее поднаторевшая в изучении *массового сознания, массового поведения*, стала проявлять интерес к отдельному «маленькому человеку», «рядовому агенту исторического процесса»³, повседневные решения и взаимодействия которого вплетаются и одновременно создают живую, постоянно воспроизводящую социальную ткань.

Конечно, это возвращение к «забытому» классической социологией человеку в терминах А. Шюца не было только случайностью, гениальным озарением французского исследователя, хотя заслуга его несомненна. Напротив, интерес к повседневной жизни рядового человека, к микропроцессам, происходящим в обществе, был подготовлен всем интеллектуальным климатом XX века, особенно его второй половины, интеллектуальным умонастроением эпохи, определившим познавательную ситуацию в этот период, основные ее оси напряжения⁴. Главная из них — падение престижа науки в ее нововременной форме, критику которой начал еще Э. Гуссерль, когда под вопрос ставится само притязание научного знания на овладение миром, его субъект-объектная исследовательская оптика, правомерность ее использования в гуманитарном знании, а также ее (науки) свойство производить скрытые стратегии власти. Еще один нерв новой познавательной ситуации — осознание философской и социальной мыслью резкого изменения характера социальной жизни в XX веке с ее крушением «*цивилизации Проекта*» и наличием скорее «*цивилизации проектов*», индивидуальных проектов людей, не складывающихся в единый Проект; усилением транзитивности социальной жизни, культурной гетерогенности, множественности интерпретаций прошлого, словом, с ее «внезапной популярностью множественного числа», как остроумно заметил З. Бауман⁵. Характерен для познавательной ситуации второй половины XX века оказался и накопившийся груз претензий социологов, работающих в области эмпирических исследований, к измеряющей, претендующей на универсальные обобщения социологии.

³ Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов // Социс, 2004. № 1. С. 15.

⁴ Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. С. 56–53.

⁵ Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал, 1994. № 4. С. 74.

Вместе с тем эта принципиальная смена оптики исследователя-социолога не означала забвения или отказа от основной задачи социологического знания, составляющей его «особость», неповторимость: *описывать типичное* в человеческих взаимодействиях. Для социолога жизнь информанта — всегда «два реально существующих полюса человеческой жизни, индивидуальный и социальный»⁶, всегда связь между этими полюсами. В рамках такого подхода главная задача социологии в ее научном варианте — *понять социальный контекст индивидуальной жизни*, социальные связи и отношения, не данные непосредственно. Это значит «идентифицировать основные игры, в которые люди играют, скрытые правила и ставки, внутренние механизмы и конфликтную динамику власти в этих играх»⁷. При этом описание социального контекста может выступать как «самостоятельной задачей исследования», когда индивидуальная судьба рассматривается как окно в социальный мир, так и «обязательным, но скорее вспомогательным его (исследования) элементом. Во втором случае термин «контекст» используется в полном соответствии с его лингвистическим значением и предполагает анализ социального контекста «в качестве условия понимания анализируемой индивидуальной судьбы»⁸. Известно, что чаще всего сами авторы не осознают контекст своих повествований: «задача социолога — сконструировать контекст, чтобы понять сказанное, придать ему значение»⁹.

Известный английский социолог Дэвид Силвермен, используя так называемый *нарративный подход*, предложил исследовать *определенный фрагмент* этого социального контекста социальной жизни, реконструируемой из жизненных повествований людей: мифы и идеологемы, функционирующие в общественном сознании на определенном витке исторической жизни общества¹⁰. Исследователь, использующий такой подход, делает акцент не на интерпретации содержания нарратива, но на «*способах и методах*, с помощью которых люди, рассказывающие «свои истории» во взаимодействии с участниками коммуникации (речь идет о нарративном интервью или о взаимодействии с виртуальными участниками коммуникации в случае письменного нарратива) «*объясняют события своей жизни*, придают им значения». В основании такого подхода, основанного на анализе «практических» (термин Г. Гарфинкеля), семантических объяснений, лежит открытое этнометодологией положение о том, что люди строят свое взаимодействие «здесь и сейчас», ориентируясь на *фоновые ожидания Другого* участника коммуникации, *стараясь*

⁶ Даниэль Б. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. СПб: 1997.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Сам термин «социальный контекст» сегодня достаточно многозначен. Важнейшая проблема состоит в определении того уровня социальной ситуации, которая может считаться контекстом конкретной жизненной истории.

⁹ Готлиб А. С. Конструирование социального контекста в качественном социологическом исследовании: возможности нарративного подхода // Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические Чтения памяти В. Б. Голофаста. СПб: Эйдос, 2012. С. 179.

¹⁰ Silverman D. Doing Qualitative Research/London, Thousand Oaks, New Delfi: Sage Publications, 2007. P. 124.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ГОТЛИБ Анна Семеновна / Anna GOTLIB

| Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования |

быть понятным им, интуитивно опираясь при этом на распространенные в этот период в обществе социо-культурные нормы как на «решетки объяснений».

Использование мной такого нарративного подхода к удивительному тексту — биографии крестьянки Е. Киселевой, написанной в жанре «ручного», «наивного» письма и опубликованной в своем первоизданном виде в книге Н. Н. Козловой и И. Н. Сандомирской «Я так хочу назвать кино»,¹¹ позволил описать несколько идеологов, «больших нарративов», функционирующих в советском обществе, и разделяемых, усвоенных советскими людьми или, по меньшей мере, социальными группами, находящимися в самом низу социальной лестницы: крестьянка Е. Киселева принадлежала к одной из таких групп. Это, как показало исследование, идеологема о том, что партия — передовой отряд рабочего класса, а ее члены — самые достойные, преданные делу партии и народа люди, которым только и можно доверить все самое ценное — «социалистическое имущество». Это и усиленно внедряемый в общественное сознание миф заботы советского государства о каждом советском человеке, о каждом труженике наряду с мифом о Советском Союзе как царстве справедливости и свободы, как страны, «где так вольно дышит человек». Это и идеологема холодной войны, где США позиционируются как главный и страшный враг Советского народа. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать фрагмент рукописи, относящийся к этой теме «...неужели в Американского руководителя страной Рейгина нет детей, или у него сердце из жила, что он думает или он сердится сам на себе как он думает жить после войны когда все и всех спалить»^{12, 13}).

Конечно сегодня, пока еще живы поколения «родом из СССР», когда они еще пока «уходящая натура», описание подобных метанарративов не является такой уж эвристически значимой задачей. Вместе с тем, подчеркну, нарративный подход к автобиографии крестьянки Е. Киселевой позволил выделить не только официально насаждаемое, но и результат действия этого безжалостного манипулирования — усвоенное, впитанное, разделяемое «простым советским человеком», дал возможность описать то, что стало частью его обыденного сознания, мира «естественной установки», формирующей его индивидуальные смыслы происходящего и влияющей на его поступки.

Наталья Никитична Козлова, блестящий исследователь, одна из первых в российской социологии обратившаяся к анализу «человеческих документов», в том числе и автобиографий, расширила это теперь уже привычное предметное поле исследований нарративов в социологии: нарратив можно рассматривать «не только как свидетельство» «встроенной» социальности (хотя любой нарратив ценен прежде всего именно этим), но и как языковые игры: изучая, например, «смену языковых репертуаров, можно исследовать процесс обретения индивидуальной идентичности»¹⁴, ее конструирования в процессе жизни. Сама она дала прекрасный пример такого анализа «складывания идентичности», анализируя блокадный днев-

ник партийного и профсоюзного работника Н. А. Рибковского, пользующегося, по ее мнению, «идеологическими клише как идиомами повседневного языка». Здесь автор, по мнению исследователя, демонстрируя безоговорочное принятие «готовых классификаций мира», являет собой «персонификацию порядка, заданного партией»¹⁵. Вместе с тем, анализируя языковые особенности дневника — «метки пути, который проделал человек», Козлова Н. Н. выделяет процесс конструирования идентичности, трудности вырабатываемого жизненного стиля тех, «кто принадлежал к советской элите в первом поколении»: автор «не только свежий человек в элите, но и свежий городской житель»¹⁶.

С нарративом в социологию вошли по меньшей мере две значимые вещи. Прежде всего, это возможность изучить то или иное социальное явление в его процессуальности, вписанности во время, когда происходящие в социальном явлении изменения соотносятся с временными рамками, общими для всех. Конечно, темпоральность, временные координаты присутствуют и в качественных исследованиях типа «кейс-стади» и в классических, так называемых лонгитюдных исследованиях, когда на протяжении многих лет изучаются одни и те же люди. Но для исследования типа «кейс-стади» характерен лишь небольшой временной период (1–2 года), а лонгитюдное исследование как определенный тип классического социологического исследования сегодня является довольно экзотической исследовательской практикой: быстро меняющийся, обремененный неопределенностью и непредсказуемостью современный социум «плохо оборудован» для подобного рода исследований.

Еще одна особенность, привнесенная нарративами в социологию, — возможность укрупненного взгляда на действительность, характерная для здравого смысла и обыденного языка. Можно сказать, что в нарративах воплотилась тоска социолога по «живому слову» во всех его красках и оттенках, в них изучаемый человек, может быть, впервые в социологии получил возможность говорить собственным голосом, строя свое повествование на собственном языке: известно, что классическая социология и ее главный инструмент — анкета — говорят прежде всего голосом исследователя, создающего измерительные конструкции, хотя этот голос (видение исследователя-разработчика) искусные социологи и пытаются выразить в анкете, что называется, «на языке респондента». Понятно также, что этот пресловутый «язык респондента», якобы уловленный, подслушанный социологом в той социальной группе, которую он изучает, — всего лишь имитация, всегда вторичная по отношению к оригиналу, не дающая адекватного представления о ценностях, мотивах, оценках и других характеристиках повседневного индивидуального сознания опрашиваемого человека во всей его (сознания) противоречивой целостности и неповторимости.

«Живые» голоса изучаемых людей в нарративах завораживают, поражают своей безыскусностью и одновременно уникальностью. Таковы и нарративы людей, переживших перестройку, собранные в наших исследованиях, посвященных анализу социально-экономической адаптации жителей Са-

¹¹ Козлова Н. Н., Сандомирская. Я так хочу назвать кино. «Наивное» письмо: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, 1996.

¹² В цитате сохранен язык рукописи.

¹³ Козлова Н. Н., Сандомирская. Указ. соч. С. 184.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 280.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ГОТЛИБ Анна Семеновна / Anna GOTLIB

| Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования |

марской области к кардинальным общественным преобразованиям в России¹⁷: хочется забыть о необходимости их анализировать, строить теоретические обобщения, «делать науку», одним словом. «Подпадая под обаяние» автора, эмоционально отзвываясь на все перипетии его жизненной ситуации, «капитулируя» перед ним, оказываешься просто «плывущей по течению» нарратива, не в силах сопротивляться его (нарратива) удивительной притягательности. Благо сегодня в социологии уже существуют исследовательские практики анализа нарративов, продукт которых — не только производство научных конструкций, мини-теорий или научных комментариев, возможно и востребовано и *собственно гуманистическое направление исследований нарративов* (шире — качественных исследований), результатом которых могут быть и *собственные голоса изучаемых людей*, носителей значимой социальной проблемы, чаще всего замалчиваемой, в пределе даже без исследовательской версии¹⁸. Важно, чтобы эти нарративы, опубликованные, а значит, представленные читателю, были действительно голосами изучаемых людей, т. е. оригиналами, без правки и редактирования, не прошедшие сквозь эту перемалывающую и нормирующую машину.

Методологические подходы к анализу нарративов в социологии тоже имеют свою, хотя и недолгую историю: времена, когда рассказанная история рассматривалась как *зеркало реальной жизни, как правда* о происшедших с человеком событиях, их результатах и последствиях, времена «обретенного рая» (как иронично называет это время финский социолог Й. П. Руус) для социолога канули в Лету (начало 1980-х годов). Сегодня социологическим сообществом в полной мере осознается тот факт, что ничто в мире, что мы видим и описываем, «не предстает перед нами *таковым, каким оно существует на самом деле*: наше восприятие всегда опосредовано через то, *как мы видим мир* в настоящее время». В этом ключе нарратив — всегда и *репрезентация самого автора*, его видения ситуации. Одновременно это означает, что рассказанная жизнь — это всегда *конструирование жизни и конструирование себя*, когда информант (рассказчик «своей истории») выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как *он ее видит на данный момент*, делая попытку связать воедино разрозненные элементы своей жизни, найти в ней смысл.

В целом, к середине 1980-х годов в социологическом сообществе все в большей мере начинают осознаваться принципиальные, методологически важные для анализа нарративов моменты:

1. *Текст первичен*, т. е. исследователь имеет дело с текстом (транскриптом нарративного интервью или написанной биографией), а не с реальной жизнью;
2. Нарративность, понимаемая как ориентация на понимание другим участником коммуникации (реальным или виртуальным), в которой реализуются открытые этнометодоло-

гией правила, является *сущностной чертой любого нарратива*;

3. Существует проблема идентичности «Я» рассказчика, а точнее, в полном согласии с И. Гофманом, проблема *множественности идентичностей*, возникающих в процедуре общения с интервьюером (устный нарратив): в различных ситуациях общения фиксируются разные характеристики «Я» рассказчика¹⁹.

Вместе с тем тоска социологов по достоверности, по правильному, точному отражению изучаемого социального явления, по знанию — истине, как фантомная боль, все еще существует в социологии, временами зажигая уже, кажется, потухший костер методологической дискуссии между сторонниками классического подхода в социологии, выстроенного по лекалам естественно-научного знания и так называемого качественного, интерпретативного подхода. Основная претензия ряда социологов к нарративу — это *разрыв между рассказанной историей и самой жизнью, искусственность рассказанной жизни, ее конструируемость*. Так, известный французский социолог П. Бурдьё настаивает на недоверии к рассказанным жизням, видя в них лишь «иллюзию», «артефакт», никакого отношения к реальной жизни не имеющих.²⁰ На недоверии к рассказам о жизни настоена и критика американского социолога В. Шляпентоха уникальной попытки Б. Докторова, независимого исследователя, сейчас тоже живущего в США, создать историю советской социологии, используя в качестве эмпирической базы нарративные интервью с советскими социологами. Он полагает, что социологи в момент интервью переполнены «пристрастиями, преданы разным идеологическим нормам, обеспокоены своим престижем, тем, как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей»²¹ и потому уж точно не говорят правды.

Еще с большей степенью страстности мотив недоверия рассказам о жизни, а значит и бессмысленности их использования в социологии звучит применительно к автнарративу²², радикальной исследовательской практике, пока еще мало распро-

¹⁹ Мои методические эксперименты, проведенные в 2003 году и повторенные в 2010 показали, что один и тот же информант может производить достаточно разные нарративы в зависимости от того, как он определяет ситуацию общения с интервьюером. Это означает появление нарративов-«черновики», равнозначных нарративов, не имеющих «чистовиков», т. е. единственно правильных повествований (Лехциер В. Л. Апология черновика или «Пролегомены ко всякой будущей...» // Новое литературное обозрение, 2000. №4.). Для социолога возможность получения множества равнозначных нарративов представляет серьезную проблему. См.: Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. С. 225.

²⁰ Это недоверие подпитывается и его убеждением, что рассказ о жизни стремится приблизиться к официальной модели самопредставления, зависит от господствующего дискурса биографий, что, на мой взгляд, не совсем точно: это явление, скорее, проявляется в автобиографиях образованных людей, знакомых с литературной нормой, и практически отсутствует в текстах малообразованных людей. Бурдьё П. Биографическая иллюзия // Интер, 2006 №2. С. 75–81.

²¹ Шляпентох В. Можно ли беспрепятственно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 25.

²² Эта исследовательская практика имеет много имен: автоэтнография, личностный нарратив, самоистория, побуждающий нарратив и т. д.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ГОТЛИБ Анна Семеновна / Anna GOTLIB

| Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования |

странной, но уже набирающей силу, где субъект познания, исследователь, и объект познания, изучаемый человек, физически совмещаются в одном лице²³. Критика автонарратива (автоэтнографии) осуществляется по двум направлениям:

- 1) самоистория дает жизнь структурам, которых нет в жизни и потому «сочиняет жизнь» вместо того, чтобы ее отражать;
- 2) автонарратив (автоэтнография) представляет собой «романтическое конструирование себя», приукрашивание и потому не может быть отнесено к сфере строгой социальной науки.

Вместе с тем, сегодня в арсенале современной философии есть блестящий инструмент анализа этой проблемы: так называемый «принцип объективной ошибки», впервые обозначенный М. Мамардашвили и А. Пятигорским и развитый Ю. Разиновым²⁴. Объективная ошибка здесь состоит в том, что мы оперируем объектами, функционирующими посредством высказывания об этих объектах, т. е. «иллюзиями», «фикциями», как с объектами с наблюдаемыми характеристиками (а на самом деле это — квазиобъекты). В то же время это — объективная ошибка, возникающая как необходимый элемент общественной связи, действующая на уровне самой действительности. Для рассказчиков «своей истории» это означает, «что рассказанная жизнь воспринимается в естественной установке сознания как *изначальная и самодовлеющая реальность*, связывающая человека с обстоятельствами его жизни, как объективная и необходимая форма, имеющая своим следствием структурирование самой жизни. Для исследователя использование «принципа объективной ошибки» означает принятие тезиса о *невозможности противопоставления реальной жизни рассказу о ней, признание того факта, что рассказанная жизнь и сама жизнь тесно переплетены, накладываются друг на друга, создавая ту самую реальность, в которой мы живем, совершаем поступки и... иного не дано*»²⁵.

Переплетение рассказа о жизни и самой жизни, взаимосвязь и взаимозависимость прожитых жизней и повествований о ней убедительно подчеркивает и известный английский социолог З. Бауман: «как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмешиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается, и о ней становится возможным рассказать»²⁶. По мнению З. Баумана, внесение внутренней логики и смысла в прожитую жизнь, которую рассказчики вносят своим повествованием, так сказать, постфактум: «на основе ретроспективного взгляда» или «учитывая усвоенные уроки» (а это распространенное представление) — слишком скромная задача. Английский социолог считает, что *свод правил*, которые «осознанно или неосознанно соблюдается при таком повествовании, не менее сильно влияет на жизни, о которых рассказывается, чем на само повествование, на выбор злодеев и героев... Человек проживает свою жизнь как историю, которой

предстоит быть рассказанной, но способ, каким история будет соткана, определяет технику свивания нити самой жизни»²⁷.

Вот это, на мой взгляд, означает, что через субъективные жизнеописания, через те смыслы, которыми рассказчики наделяют события своей жизни, исследователь нарративов все-таки может пробиться к чему-то существующему вовне, так или иначе «схватить» реальность социальной жизни, ее писанные и неписанные правила и нормы. Тем более, что в арсенале социологии есть определенные процедуры, помогающие исследователю точнее понять и описать инкорпорированную в индивидуальное повествование социальность. Я имею в виду четыре базовых понятия, выделенные Й. П. Руусом, четыре метки текста: контекст, аутентичность, референциальность и рефлексивность²⁸.

Но... вернемся к З. Бауману, в рассуждениях которого относительно взаимосвязи «рассказанных жизней и прожитых историй», есть еще один интересный, на мой взгляд, момент. Он сетует на то, что жизненные истории недостаточно рефлексивны, не выходят за пределы узкого круга частной жизни, собственной субъективности. Главная его претензия состоит в том, что рассказанные истории людей, живущих в «обществе индивидов», где «люди поставлены перед необходимостью справляться со своими проблемами собственными силами», не артикулируют «условия, не зависящие от нашего выбора»,... «описывают индивидуальные жизни в манере, исключающей либо подавляющей... возможность отслеживания связей, соединяющих судьбы отдельных людей с путями и средствами функционирования общества как целого»: повествования «пре-терпевают процесс непрекращающейся индивидуализации»²⁹.

Безусловно, З. Бауман прав, выделив тенденцию особой приватности рассказа о жизни, его «домашности». Повседневная жизнь во всей ее непроблематичности, естественности «правит бал» в нарративах. Так, в жизненных историях, взятых нами в исследованиях социально-экономической адаптации (я уже о них говорила), критериями структурирования времени своей жизни в большинстве историй выступали *индивидуально значимые события*: общепринятые метки, венчающие те или иные периоды жизненного цикла человека — окончание школы, поступление в институт, создание семьи и т. д. или уникальные события. Представленность же крупных социальных событий, так или иначе связанных с индивидуальной жизнью рассказчика, была крайне незначительна³⁰. Вместе с тем, на мой взгляд, причина такой *индивидуализации нарративов* (термин З. Баумана) применительно к России все-таки другая. Дело не в том, что как полагает английский социолог, в обществе (западном — А. Г.) «человека, с одной стороны, заставляяют принять на себя весь груз ответственности, а с другой — ставят в зависимость от условий, которые ему не подвластны»³¹, что

²⁷ Там же.

²⁸ Руус Й. П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Спб: 1997.

²⁹ Бауман З. Указ. соч. С. 9.

³⁰ Единственное социальное событие, которое довольно часто упоминалось в нарративах — это перестройка, разделившая жизнь наших информантов на два периода: до перестройки и после нее.

³¹ Бауман З. Указ. соч. С. 9.

²³ Готлиб А. С. Автоэтнография: разговор с самой собой в двух регистрах // Социология: 4М, 2004. № 18.

²⁴ Готлиб А. С. Качественная методология, исторический нарратив ли можно ли написать историю советской социологии с человеческим лицом // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012 № 1.

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социс, 2004. № 1. С. 10.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ГОТЛИБ Анна Семеновна / Anna GOTLIB

| Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования |

человеку внушают, будто «за все доброе или злое, что наполняет жизнь человека, он может благодарить или, напротив, винить только себя и никого другого»³².

Для нашей, российской социальной ситуации с ее ярко выраженным запросом на патернализм значительной части населения и ее же нежеланием брать на себя ответственность за свое экономическое положение, такое объяснение вряд ли подходит. Более удачной, на мой взгляд, является интерпретация «внесоциальности» нарративов, данная Н. Н. Козловой, которая смогла увидеть *витальность, чаплиновскую сильнейшую привязанность к жизни* как главную характеристику пишущих в России «маленьких людей», «частиц массы». «Такой «маленький человек говорит, что хочет прежде всего жить... Ему наплевать на мировые проблемы, течения и учения... Он, знаете ли, не вождь и не член правительства и, стало быть, он не намерен забивать свою голову лишними взглядами»³³.

Уважаемый профессор З. Бауман, на мой взгляд, слишком требователен к авторам нарративов: описание своей жизни в социальном контексте, т. е. попытка оценки «правил самой игры» (жизни), «набор карт и манера перетасовки колоды» и в западном, и в российском обществах не каждому даны, требует владения навыками рефлексии, привычки к ней. Не случайно социологи мечтают о «говорящих информантах», тех,

³² Там же. С. 12.

³³ Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Институт философии РАН, 1996. С. 88.

кто может рассказать «свою историю» не односложно, а развернуто, прибегая к оценкам. Вместе с тем английский социолог блестяще переводит эту проблему исследователя, пытающегося увидеть, понять то, что *Стоит За* повествованием, в *экзистенциальные координаты*, относящиеся к рассказчику: по его мнению, артикуляция, рефлексия своей жизненной истории должна быть *личной задачей и одновременно личным правом каждого*, ведь только эта деятельность *привносит в жизнь смысл и цель*³⁴. Фактически он переворачивает привычное использование нарратива в социологии: рассказанная история жизни из ценнейшего для социолога личного документа (транскрипт интервью, автобиография) превращается в *экзистенциал*, условие возникновения экзистенциального опыта рассказчика, опыта, понимаемого как *обнаружение — рождение себя другого, прорыв к самобытию*³⁵. Добавлю: мои исследования (2004, 2010 гг.) показывают, что экзистенциально захваченными оказываются не только рассказчик истории, но и исследователь (интервьюер). Качественное исследование практически всегда оказывается пространством экзистирования для социолога³⁶. Но это уже тема другой статьи.

³⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 18.

³⁵ Лехциер В. Л. Введение в феноменологию художественного опыта. Самара: Самарский университет, 2000. С. 45.

³⁶ Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. С. 278–298.

